

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Послесловие к книге Е. И. Попова "Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894". Лев Николаевич Толстой

Еще Моисей в своих заповедях, данных людям 5000 лет тому назад, поставил заповедь: не убий. То же самое проповедывали все пророки; то же самое проповедывали мудрецы и учителя всего мира; то же самое проповедывал Христос, запрещая людям не только убийство, но всё то, что может вести к нему, всякое раздражение и гнев против брата; и то же самое написано в сердце каждого человека так явственно, что нет поступка более противного всему существу неизвращенного человека, чем убийство себе подобного существа -- человека.

И вот, несмотря на то, что этот закон бога явно открыт нам Моисеем, пророками и Христом и так неизгладимо написан в нашем сердце, что в обязательности его для нас не может быть никакого сомнения, закон этот не только не признается в нашем мире, но признается совершенно противоположный этому закон, закон обязательности для каждого человека нашего времени поступить в военную службу, т. е. стать в ряды убийц, покланяться в готовности к убийству, научиться искусству убивать и действительно убивать себе подобных, когда это от него потребуется (В государствах, где нет обязательной воинской повинности, закон бога и совести о неубийстве, хотя и не так очевидно, но также нарушается всеми гражданами, потому что наем, вербовка и содержание войск, совершаемые на деньги, сознательно платимые всеми гражданами на признаваемое ими необходимым дело убийства, есть точно такое же согласие на убийство и содействие ему, как и личное поступление на военную службу).

Во времена языческие христианам было повелеваемо на словах отречься от Христа и бога и в знак отречения приносить жертвы языческим богам.

Теперь, в наше время, христианам повелевается уже не только отречься от Христа и бога принесением жертв языческим богам (приносить жертвы языческим богам можно, оставаясь в душе христианином), а повелевается отречься от Христа и бога совершением самого, несомненно, противного Христу и богу и запрещенного Христом и богом поступка -- клятвы в готовности к убийству, приготовления к убийству и очень часто и самого убийства.

И как прежде находились люди, не соглашавшиеся поклоняться языческим богам и за свою верность Христу и богу жертвовавшие жизнью, так и теперь были и есть люди, не отрекающиеся от Христа и бога, не соглашающиеся приносить клятву в готовности к убийству, не вступающие в ряды убийц и за эту верность гибнущие в самых ужасных страданиях, как это случилось с Дрожжиным, жизнь которого описывается в этой книге.

И как в прежнее время те, считавшиеся полубезумными, странными людьми, мученики христианства, которые гибли за то, что не хотели отречься от Христа, только одной своей верностью Христу разрушили языческий мир и открыли путь христианству, так и теперь люди, как Дрожжин, считающиеся безумцами и фанатиками, предпочитающие мучения и смерть отступлению от закона бога, одною своею верностью закону разрушают существующий жестокий порядок вернее революций и открывают людям новое радостное состояние всеобщего братства, царства божия, которое предвозвещали пророки и основы которого 1800 лет тому назад положены Христом.

Но мало того, что люди, как Дрожжин, теперь отказывающиеся от отречения от бога и Христа, своею деятельностью содействуют установлению того царства божия, которое предсказывали пророки, они указывают своим примером тот единственный несомненный путь, на котором может быть достигнуто это царство божие и уничтожено всё то, что препятствует установлению его.

Разница между древними мучениками христианства и теперешними только в том, что тогда языческих дел от христиан требовали язычники, теперь же языческих и самых ужасных языческих дел -- таких, каких не требовали язычники: убийства -- требуют от христиан не язычники, а христиане или, по крайней мере, люди себя так называющие; в том, что тогда сила язычества держалась на его неведении, на том, что оно не звало, не понимало христианства, теперь же жестокость мнимого христианства держится только на обмане, на сознательном обмане. Тогда для

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
освобождения христианства от насилия надо было убедить язычников в истине
христианства, а этого большею частью нельзя было сделать. Юлиан Отступник и
многие лучшие люди того времени искренно были убеждены, что язычество есть
просвещение и благо, а христианство -- мрак, невежество и зло. Теперь же для
освобождения христианства от насилия и жестокости нужно только обличить обман
ложного христианства. А обман этот сам собою несомненно обличается одним простым
и неуклонным исповеданием истины, неизбежно вызывающим мнимо-христианские власти
к насилию, мучениям и убийству христиан за соблюдение того самого, что они же
исповедают.

Прежде христианин, отказывавшийся от поклонения языческим богам, говорил
язычникам: "Я отрицаю вашу веру, я -- христианин и не могу и не хочу служить
вашим богам, а буду служить одному истинному богу и сыну его Христу Иисусу", и
языческие власти казнили его за то, что он исповедывал религию, которую они
считали ложной и вредной, и казнь его не носила в себе никакого противоречия и
не подрывала того язычества, во имя которого его казнили. Теперь же христианин,
отказывающийся от убийства, говорит свою исповедь уже не язычникам, а людям,
называющим себя христианами. И если он говорит: "я -христианин и не могу и не
хочу исполнять противных христианскому закону требований убийства", то ему уже
не могут сказать, как прежде язычники: "ты исповедуешь ложную и вредную веру, и
за это мы казним тебя", а ему говорят: "мы -- тоже христиане, но ты неверно
понимаешь за христианство, утверждая, что христианин не может убивать.
Христианин может и должен убивать, когда ему велит это тот, кто в данную минуту
считается его начальником. И за то, что ты не соглашаешься с тем, что христианин
должен не любить врагов, а убивать всех тех, кого ему велют, мы христиане,
исповедающие закон смирения, любви и прощения, казним тебя".

Выходит то, что власти, признающие себя христианскими, при всяком таком
столкновении с людьми, отказывающимися от убийства, вынуждены самым явным и
торжественным образом отречься от того христианства и нравственного закона, на
котором одном зиждется их власть.

Кроме того, на несчастье ложных властей и на счастье всего человечества, условия
военной службы стали в последнее время совсем другие, чем те, какие были прежде,
и потому требования властей стали еще очевиднее нехристианскими, и отказы от
исполнения их требований стали еще более обличительны. Прежде к военной службе
призывалась едва ли одна сотая всех людей, и правительство могло предполагать,
что в военную службу идут люди низшего уровня нравственности, такие, для которых
военная служба не представляет ничего противного их христианской совести, как
это и было отчасти, когда отдавали в солдаты за наказание. Тогда, если к военной
службе призывали человека, по нравственным свойствам своим не могущего быть
убийцей, то это была несчастная случайность и исключение.

Теперь же, когда все должны исполнять воинскую повинность, самые лучшие люди,
самые наиболее христиански настроенные и далекие от возможности участия в
убийстве, все должны признать себя убийцами и отступниками от бога.

Прежде нанимаемое властями войско составляли отобранные, самые грубые,
нехристианские и невежественные люди или охотники и наемники; прежде никто или
редко кто читал евангелие и люди не знали его духа, а верили тому, что им
толковали священники; и прежде только редкие, особенно фанатически настроенные
люди, сектанты считали грехом военную службу и отказывались от нее. Теперь же
нет ни одного человека в христианских государствах, ни одного, который бы не был
обязан сознательно, своими деньгами, а в большей части Европы прямо
непосредственно участвовать в приготовлениях к убийству или в самых убийствах;
теперь все почти люди знают евангелие и дух учения Христа, все знают, что
священники подкупленные обманщики, и никто уже, кроме самых невежественных
людей, не верит им; и теперь уже не одни сектанты, а люди, не исповедующие
никаких особенных догматов, люди образованные, свободномыслящие отказываются от
военной службы и не только отказываются за себя, но прямо открыто всем говорят,
что убийство несовместимо ни с каким исповеданием христианства.

И потому один такой отказ от военной службы, как отказ Дрожжина, отказ,
выдержанный несмотря на мучения и смерть, один такой отказ колеблет всё
громадное здание насилия, построенное на лжи, и грозит ему разрушением.

Страшная сила находится в руках правительств, и не только сила вещественная:
огромное количество денег, учреждений, богатств, покорных чиновников,

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
духовенства и войска, огромные духовные силы влияния на людей находятся в руках
правительства. Оно может если не подкупить, то подавить, уничтожить всех тех,
кто противится ему. Подкупленное духовенство проповедует солдатство в церквах,
подкупленные писатели пишут книги, оправдывающие солдатство; в школах --высших и
низших -- обязательно преподаются обманные катехизисы, в которых внушается
детям, что убивать на войне и по суду не только можно, но должно; к присяге
пригоняются все, поступающие в войско; всё, что может раскрыть обман, строго
воспрещается и казнится -- самые страшные наказания накладываются на людей, не
исполняющих требования служения в военной службе, т. е. убийства.

И удивительное дело, вся эта огромная, могущественная масса людей, вооруженная
всеми силами человеческой власти, трепещет, прячется, чувствуя свою вину, и
колеблется в своем существовании и всякую минуту готова рухнуть и разлететься
прахом при появлении одного человека, как Дрожжин, который не уступает
требованиям человеческим, а повинуется закону бога и прямо исповедует его.

А таких людей в наше время уже не один Дрожжин, а тысячи; десятки тысяч, и число
и, главное, значение их растет с каждым годом и часом. В России мы знаем десятки
тысяч людей, отказавшихся присягать новому царю и признающих военную службу
убийством, несоместимым не только с христианством, но с самыми низшими
требованиями чести, справедливости, и нравственности. Мы знаем таких людей во
всех европейских странах: знаем про назаренов, появившихся меньше 50 лет назад в
Австрии и Сербии и из нескольких сот разросшихся теперь в количество свыше 30
000, отказывающихся, несмотря на все гонения, от участия в военной службе. Мы
узнали недавно про высокообразованного, совершенно свободномыслящего человека,
военного врача, отказавшегося от военной службы, потому что он считает противным
своей совести служение такому учреждению, как армия, предназначенному только для
насилия над людьми и убийства их.

Но и не то важно, что людей этих много и становится всё больше и больше, важно
то, что найден единственный истинный путь, по которому человечество несомненно
придет к своему освобождению от зла, сковавшего его, и что на этом пути ничто и
никто не может уже остановить его, потому что для освобождения на этом пути не
нужно никаких усилий для уничтожения зла: оно само разлетается и тает, как воск
от огня, а нужно только неучастие в нем. А для того, чтобы перестать участвовать
в этом зле, от которого мы страдаем, не нужно никаких особенных ни умственных,
ни телесных усилий, -- нужно только отдаваться своей природе, быть добрым и
правдивым перед богом и собою.

"Вы хотите, чтобы я стал убийцей, а я не могу этого сделать, и этого не велит
мне мой бог и моя совесть. И потому делайте со иной, что хотите, а ни убивать,
ни готовиться к убийству, ни помогать ему я не стану". И простой ответ этот,
который неизбежно должен сделать всякий человек, потому что он вытекает из
сознания людей нашего времени, разрушает всё то зло насилия, которое так долго
тяготило мир.

Говорят: в священном писании сказано: "Всякая душа да будет покорна высшим
властям, ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены.
Посему противящийся власти -- противится божию установлению. А противящийся сами
навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для
злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее: ибо
начальник есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не
напрасно носит меч: он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И
потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для
сего вы и подати платите, ибо они божий служители, сим самым постоянно занятые.
И так отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому
страх, страх; кому честь, честь" (Рим. XIII, 1--7), и потому надо повиноваться
властям.

Но ведь уже не говоря о том, что тот самый политический Павел, который римлянам
говорил, что надо повиноваться властям, ефесянам говорит совершенно другое:
"Наконец, братии мои, укрепляйтесь господом и могуществом силы его; облекитесь
во все оружие божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских,
потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против
властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных"
(Ефес. VI, 10, 11, 12); не говоря уже об этом, слова Павла к римлянам о
повиновении существующим властям никаким образом не могут быть соединены с
учением самого Христа, весь смысл которого состоит в освобождении людей от

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
власти мира и подчинении их одной власти бога. "Если мир вас ненавидит, знайте, что меня прежде вас возненавидел (Ин. XV, 18). Если меня гнали, будут гнать и вас (Ин. XV, 20). Если бы вы были от мира, мир любил бы свое, а как вы не от мира, но я избрал вас от мира, то мир ненавидит вас (Ин. XV, 19). И поведут вас к правителям и царям за меня, для свидетельства перед ними (Мф. X, 18, Мр. XIII, 9). И будете ненавидимы всеми за имя мое (Мф. X, 22). Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя мое (Лк. XXI, 12). И всякий убивающий вас будет думать, что он тем служит богу. Так будут поступать, потому что не познали ни отца, ни меня, но я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что я сказал (Ин. XVI, 20 2--4). Но вы не бойтесь, потому что нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не стало бы явным (Мф. X, 26). Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, но бойтесь того, кто может погубить и душу, и тело (Мф. X, 28). Князь мира сего осужден (Ин. XVI, 11). Мужайтесь, я победил мир (Ин. XVI, 33)".

Всё учение Христа есть указание пути освобождения от власти мира, и Христос, будучи сам гонимым, предупреждал своих учеников о том, что если они будут верны его учению, то мир будет гнать их, и советовал им мужаться и не бояться своих гонителей. Но мало того, что он словами учил их этому, он всею своею жизнью и отношением к властям показал пример того, как должны поступать те, которые хотят следовать ему. Христос не только не повиновался властям, но постоянно обличал их: он обличал фарисеев в том, что они преданиями человеческими нарушают заповедь Божию, обличал их в том, что они ложно соблюдают субботу, что ложно устроили жертвоприношение в храме, обличал их за всё их лицемерие и жестокость, обличал города Харазин, Вифсаиду и Капернаум, обличал Иерусалим и предсказывал ему погибель.

На вопрос о том, даст ли он положенную подать при входе в Капернаум, он прямо говорит, что сыны, т. е. ученики его, свободны от всякой подати и не обязаны платить ее, и только, чтобы не соблазнить собирающих подати, не вызвать их к греху насилия, велит отдать тот статир, который случайно находится в рыбе и никому не принадлежит и ни у кого не отнимается.

На коварный вопрос же о том, нужно ли платить подать кесарю, он говорит: "кесарю -- кесарево, а богу -- божье", т. е. отдавайте кесарю то, что ему принадлежит и им сделано, -- монету, а божье -- то, что богом сделано и вложено в вас: вашу душу, вашу совесть, -- никому не отдавайте, кроме бога, и, следовательно, не делайте для кесаря то, что вам запрещено богом. И ответ этот изумляет всех своей смелостью и вместе с тем неотразимостью (не только совершенное непонимание учения Христа, но полное нежелание понимать его, могло допустить то поразительное лжетолкование, по которому слова "кесарю кесарево" означают признание необходимости повиновения кесарю. Во-первых, о повиновении нет речи; во-вторых, если бы Христос признавал обязательность платы подати и потому повиновения, он прямо сказал бы: "да, должно платить", но он говорит: "кесарю отдай то, что его, т. е. монету, а жизнь -- богу", и этими последними словами не только не поощряет повиновение власти, но, напротив, указывает на то, что во всем, что принадлежит богу, не должно повиноваться кесарю).

Когда же приводят Христа к Пилату, как бунтовщика, развращающего народ и запрещающего платить подать кесарю (Лк. XXIII, 2), то он, сказав то, что сам нашел нужным сказать, удивляет и возмущает всех начальников тем, что на все вопросы их не повинуется им и не отвечает ничего. И за это обличение власти и неповиновение им Христос осуждается и казнится.

Вся история страданий и смерти Христа есть не что иное, как история тех бедствий, которым неизбежно подвергнется всякий человек, который последует примеру Христа повиновения богу, а не властям мира. И вдруг нас уверяют, что всё учение Христа должно быть не только исправлено, но отменено вследствие необдуманных и хитрых слов, написанных Павлом римлянам.

Но мало того, что слова Павла противоречат учению и жизни Христа, со всем желанием повиноваться властям, как это велит Павел, не из страха, но и по совести, это стало в наше время уже совершенно невозможным.

Не говоря уже о внутреннем противоречии христианства и повиновения власти, повиновение власти не из страха, но по совести стало невозможно в наше время потому, что вследствие всеобщего распространения просвещения власть, как нечто

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
достойное уважения, высокое и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно
уничтожилась и нет никакой возможности восстановить ее.

Ведь хорошо было не из страха только, но и по совести повиноваться власти, когда люди во власти видели то, что видели в ней римляне – императора-бога, или как китайцы видят в богдыхане -- сына неба; или как видели в средние века, да и вообще до революции в королях и императорах божественных помазанников, как еще недавно у нас в народе в царе видели земного бога, когда и не представляли себе царей, королей, императоров иначе, как богов в величественных положениях, творящих мудрые и великие дела; но как же быть теперь, когда, несмотря на все усилия и самих властей, и их сторонников, и даже самих подданных восстановить обаяние власти, просвещение, история, опыт, общение людей между собой уничтожили это обаяние, так что его так же невозможно восстановить, как восстановить весной растаявший лед, и так же невозможно что-нибудь твердое построить на нем, как невозможно ездить на санях по согнавшей лед и разлившейся реке.

Как быть теперь, когда все уже, за исключением самых грубых и необразованных людей, которых становится всё меньше и меньше, все хорошо знают, какие порочные люди были те Людовики XI-е, Елизаветы Английские, Иоанны IV. Екатерины, Наполеоны, Николай I, которые царствовали и распоряжались судьбами миллионов и царствовали не благодаря какому-то священному, неизменному закону, как это думали прежде, а только потому, что люди эти сумели разными обманами, хитростями, злодействами так утвердить свою власть, что их не могли свергнуть, казнить или прогнать, как казнили и прогнали Карла I, Людовика XVI, Максимилиана мексиканского, Людовика Филиппа и других.

Как быть теперь, когда все знают, что и теперь властвующие короли, императоры не только не особенные, святые, великие, мудрые люди, занятые благом своих народов, но, напротив, большею частью очень дурно воспитанные, невежественные, тщеславные, порочные, часто очень глупые и злые люди, всегда развращенные роскошью и лестью, занятые вовсе не благом своих подданных, а своими личными интересами, а, главное, неустанной заботой о том, чтобы поддержать свою шатающуюся, только хитростью и обманом поддерживаемую власть.

Но мало того, что люди видят теперь то дерево, из которого сделаны властители, представлявшиеся им прежде особенными существами, что люди заглянули за кулисы этого представления и уже невозможно восстановить прежнюю иллюзию, люди видят и знают кроме того и то, что властвуют собственно не эти властители, а в конституционных государствах члены палат, министры, добывающиеся своих положений интригами и подкупами, а в неконституционных -- жены, любовницы, любимцы, льстецы и всякого рода пристраивающиеся к ним помощники.

Как же человеку уважать власть и повиноваться ей не из страха, а по совести, когда он знает, что власть эта не есть что-нибудь отдельно от него существующее, а есть произведение интриг, хитростей людей и постоянно переходит от одного лица к другому? Зная это, человек уже не только не может по совести повиноваться власти, но не может не стараться уничтожить существующую власть и сам сделаться ею, т. е., пролезши во власть, захватить ее сколько возможно. Так это в действительности и бывает.

Та власть, про которую говорил Павел, власть, которой можно повиноваться по совести, уже пережила свое время. Ее уже не существует более. Она, как лед, растаяла, и на ней держаться уже ничего не может. Прежде бывшая твердою поверхность реки стала жидкою, и для того, чтобы ездить по ней, нужно уже не сани и лошади, а лодка и весла. Точно так же и склад жизни вследствие просвещения до такой степени изменился, что власти, в том смысле, в котором ее понимали прежде, уже нет места в нашем мире, а осталось одно грубое насилие и обман. А насилию и обману нельзя повиноваться не из страха, а по совести.

"Но как же не повиноваться властям? Если не повиноваться властям, то будут страшные бедствия, злые люди будут мучить, угнетать, убивать добрых".

"Как не повиноваться власти, -- говорю и я, -- как решиться не повиноваться власти из властей, одной несомненной власти, о той, из которой мы никогда не выйдем, под которой мы всегда находимся и требования которой мы несомненно, безошибочно знаем?"

Говорят: "Как решиться не повиноваться властям?" -- Каким властям? При

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
Екатерине, когда бунтовал Пугачев, половина народа присягала Пугачеву и была под властью его; что ж, какой власти надо было повиноваться? Власти Екатерины или Пугачева? Да при той же Екатерине, которая отняла власть у своего мужа -- царя, которому присягали, кому надо было повиноваться? продолжать ли повиноваться Петру III или Екатерине? Ни один русский царь, от Петра I и до Николая I включительно, не вступил на престол так, чтобы ясно было, чьей власти нужно повиноваться. Кому надо было повиноваться: Петру I, или Софии, или Иоанну -- старшему брату Петра? София имела такие же права на царство, и доказательством того служит то, что после нее царствовали имевшие меньше прав женщины -- обе Екатерины, Анна, Елизавета. Чьей власти надо было повиноваться после Петра, когда одни придворные взводили на престол солдатку, любовницу пастора, Меншикова, Шереметьева, Петра, -- Екатерину I, а потом Петра II, потом Анну и Елизавету и, наконец, Екатерину II, имевшую на престол прав не больше Пугачева, так как во время ее царствования один законный наследник -- Иоанн -- содержался в крепости и был убит по ее распоряжению, а другой несомненно законный наследник был совершеннолетний сын Павел? И чьей власти надо было повиноваться, власти Павла или Александра, в то время как заговорщики, убившие Павла, еще только собирались убивать его? И чьей власти надо было повиноваться -- Константина или Николая, когда Николай отнимал власть у Константина? -- Вся история есть история борьбы одной власти против другой как в России, так и во всех других государствах.

Мало того, даже не во времена междоусобий и свержения одних властителей и замены их другими, в самые мирные времена, надо ли повиноваться Аракчееву, захватившему власть, или стараться свергнуть его и убедить царя в негодности его министров? Распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители; надо ли повиноваться этим служителям, когда требования их явно дурны и вредны?

Так что, как бы мы ни желали повиноваться власти, это невозможно, потому что земной власти нет одной определенной, а все власти земные колеблются, изменяются, борются между собой. Какая и когда власть настоящая? И потому какой власти повиноваться?

Но мало того, что власть, требующая себе повиновения, сомнительна и мы не можем знать, настоящая она или нет, эта-то сомнительная власть требует от нас не безразличных, не безвредных дел, вроде того, чтобы мы построили пирамиду, храм, дворец или даже служили бы сильным мира сего и удовлетворяли бы их прихотям и роскоши. Это еще можно бы было делать. Но сомнительная власть требует от нас самого страшного для человека поступка -- убийства, приготовления к нему, признания своей готовности к нему, требует такого дела, которое явно запрещено мне богом и потому губит мою душу. Неужели же мне из-за повиновения этой человеческой случайной, колеблющейся, раздвояющейся власти забыть требования той единой власти бога, которая так явно и несомненно известна мне, и погубить свою душу?

"Нельзя не повиноваться власти".

"Да, нельзя не повиноваться власти, -- говорю и я, -- только не власти императора, короля, президента, парламента и поставленных ими начальников, которых я не знаю и с которыми не имею ничего общего, а власти бога, которого я знаю, с которым живу, от которого получил и которому нынче-завтра отдам свою душу".

Говорят: "Будут бедствия, если мы не будем повиноваться власти". -- И говорят истинную правду, если под властью разуметь истинную власть, а не человеческий обман, который называют властью. Они и есть, эти бедствия, и страшные, ужасные бедствия, которые мы переживаем именно потому, что мы не повинемся одной несомненной и явно открытой нам и в писании и в нашем сердце власти бога.

Мы говорим: "Наши бедствия в том, что богатые и праздные богатеют, а бедные, трудящиеся беднеют; в том, что народ лишен земли и потому должен работать каторжную работу на фабриках, готовящих вещи, которыми он не пользуется; в том, что народ спаивают водкой, которую продает правительство; в том, что молодые люди идут в солдаты, развращаются, разносят болезни и отстают от простой трудовой жизни; в том, что в судах правят богатые, а бедные сидят по тюрьмам; в том, что народ одуряется в школах и церквях и за это награждаются народными деньгами чиновники и духовенство; в том, что все силы народные: и люди, и деньги идут на войны и на войско, и войско это находится в руках правителей, которые

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т
этим войском подавляют всё то, что несогласно с их выгодой".

Бедствия эти ужасны. Неоткуда они? И на чем они держатся?-- А только на том, что люди не повинуются единой истинной власти и ее закону, написанному в их сердце, а повинуются выдуманному постановлению человеческим, которые они называют законом. Если бы люди повиновались единой истинной власти бога и его закона, они не брали бы на себя обязательства убивать себе подобных, не поступали бы в солдаты и не давали бы денег на наем и содержание войска. А не было бы войска, не было бы всех тех жестокостей и несправедливостей, которые оно поддерживает. Только посредством войска можно было установить и поддерживать такой порядок, при котором вся земля в руках тех, кто не работает на ней, а те, которые работают, лишены ее; только посредством войска можно отбирать труды бедных, отдавая их богатым; только посредством войска можно умышленно одурять народ и лишать его возможности истинного просвещения. Всё это держится войском. Войско же состоит из солдат, солдаты же -- мы сами. Не будь солдат, ничего этого не будет.

Положение людей теперь таково, что изменить его ничто не может, как только повиновение не ложной, а истинной власти.

-- Но новое это положение без войска, -без правительства, будет во много раз хуже того, в котором мы находимся теперь, -- говорят на это.

-- Хуже для кого? -- спрошу я. -- Для тех, которые властвуют теперь, для одной сотой всего народа? Для этой части народа, конечно, будет хуже. Но не для всего трудового, лишённого земли и произведений своего труда народа, уже только потому, что для этих девяноста девяти сотых народа положение не может быть хуже того, какое есть теперь.

Но и по какому праву мы предполагаем, что положение людей сделается хуже оттого, что они будут повиноваться, открытому им богом и вложенному в их сердца, закону неубийства. Ведь говорить, что всё пойдет в этом мире хуже, если люди последуют в нем тому закону, который дал им бог для жизни в этом мире, всё равно, что сказать, что будет хуже, если люди будут пользоваться данной им машиной не по своей прихоти, а по тому наставлению о пользовании машиной, которое дал им тот, кто избрал и построил ее.

Было время, когда человечество жило, как дикие звери, и каждый брал себе в жизни всё, что мог, отнимая у другого то, что ему хотелось, избивая и убивая своих ближних. Потом пришло время, когда люди сложились в общества, государства, и стали устраиваться народами, защищаясь от других народов. Люди стали менее звероподобны, но все-таки считали не только возможным, но необходимым и потому достойным убивать своих врагов внутренних и внешних. Теперь же приходит время и пришло уже, когда люди, по словам Христа, вступают в новое состояние братства всех людей, в то новое состояние, давно уже предсказанное пророками, когда все люди будут научены богом, разучатся воевать, перекуют мечи на орала и копья на серпы, и наступит царство божие, царство единения и мира. Состояние это было предсказано пророками, но учение Христа указало, как и чем оно может осуществиться, а именно братским единением, одним из первых проявлений которого должно быть уничтожение насилия. И необходимость уничтожения насилия уже сознается людьми, и потому состояние это наступит так же неизбежно, как прежде после дикого состояния наступило состояние государственное.

Человечество в наше время находится в муках родов этого устанавливающегося царства божия, и муки эти неизбежно кончатся родами. Но наступление этой новой жизни не сделается само собой, наступление это зависит от нас. Мы должны сделать его. Царство божие внутри нас.

А для того, чтобы нам сделать это царство божие внутри нас, нам, повторяю, не нужно никаких особенных, ни умственных, ни телесных усилий; нужно только быть тем, чем мы есмь, тем, чем сделал нас бог, т. е. разумными и, главное, добрыми существами, следующими голосу своей совести.

"В том-то и дело, что люди неразумные и недобрые существа", -- слышу уже я голос тех людей, которые, для того чтобы иметь право быть злыми, утверждают, что весь род человеческий зол и что это есть не только опытная, но божеская, откровенная, религиозная истина. "Люди все злы и неразумны, -утверждают они, -- и поэтому необходимо, чтобы разумные и добрые люди поддерживали порядок".

Да если все люди неразумны и злы, откуда же мы возьмем разумных и добрых? И если и есть такие, то как мы узнаем их? А если и узнаем их, то какими средствами мы (и кто будут эти "мы") поставим их во главу других людей? Но если мы даже сумеем поставить этих особенных разумных и добрых людей во главу других, то не перестанут ли эти разумные и добрые люди быть таковыми, если они будут насиловать и казнить неразумных и недобрых. И самое главное: вы говорите, что для того, чтобы помешать некоторым вора́м, грабителям и убийцам насиловать и убивать людей, вы учредите суды, полицию, войско, которые будут постоянно насиловать и убивать людей, обязанность которых будет состоять только в этом, и в эти учреждения привлечете всех людей. Но ведь таким образом вы наверное заменяете небольшое и предполагаемое зло большим, всеобщим и уже наверно совершающимся злом. Для того, чтобы противостоять некоторым воображаемым вами убийцам, вы заставляете всех наверное быть убийцами. И потому я повторяю, что для осуществления братского общежития людей не нужно никаких особенных усилий, ни умственных, ни телесных, а нужно только быть тем, чем нас сделал бог: разумными и добрыми существами и поступать сообразно этим свойствам.

Не каждому из нас придется нести то испытание, которое перенес Дрожжин (и если придется, то помоги нам бог, не изменив ему, снести его), но хотим ли мы, или не хотим этого, каждому из нас, если мы и живем в государстве, где нет воинской повинности, или мы не призываемся к исполнению ее, каждому из нас приходится так или иначе подвергаться, хотя и в иных, более легких формах, тому же испытанию и волей или неволей становиться на сторону угнетателей и даже самим делаться ими, или на сторону угнетенных и помогать им нести их испытание или самим делаться ими. Каждому из нас, если мы даже и не принимаем прямого участия в гонениях против этих новых мучеников, как участвуют в них государи, министры, губернаторы, судьи, подписывающие приговоры к мучениям этих мучеников, или как еще прямее участвуют в них мучители, как тюремщики, сторожа, палачи; каждому из нас все-таки приходится принимать самое деятельное участие в этих делах теми суждениями, которые мы высказываем о них в печати, в письмах, в разговорах. Часто только потому, что нам лень вдуматься в значение такого явления, только потому, что мы не хотим нарушать своего спокойствия живым представлением себе того, что должны испытывать эти люди, за свою правдивость, искренность и любовь к людям томящиеся в тюрьмах и ссылках, мы, не обдумав того, что говорим, повторяем слышанные или читанные нами суждения: "Что же делать? И поделом. Это вредные фанатики, правительство должно подавлять такие попытки" и тому подобные слова, поддерживающие гонителей и увеличивающие страдания гонимых. Мы все подумаем десять раз о поступке, о выдаче известной суммы денег, об уничтожении или постройке дома, но сказать слово кажется так неважно, что мы говорим большею частью не думая. А между тем слово есть самый значительный из всех тех поступков, какие мы можем сделать. Из слов слагается общественное мнение. А общественное мнение одно выше всех царей и властителей управляет всеми делами людей. И потому каждое суждение наше о поступках, как поступок Дрожжина, может быть делом божьим, содействующим осуществлению царства божия, братства людей, помогающим тем передовым людям, которые отдают свою жизнь для осуществления его, и может быть делом, враждебным богу, противодействующим ему и содействующим мучениям тех людей, которые отдают себя на служение ему.

Дрожжин в своем дневнике рассказывает про такое жестокое воздействие на него такого легкомысленного и враждебного богу слова. Он рассказывает, как в первое время своего заточения, когда он, несмотря на все физические страдания и унижение, не переставая испытывал радостное спокойствие сознания того, что он сделал то, что должно было, как в это время подействовало на него письмо его друга революционера, из любви к нему уговаривавшего его пожалеть себя, отречься и исполнить требования властей -- присягнуть и служить. Очевидно, молодой человек этот, революционно настроенный и по обычному кодексу революционеров допускавший, по принципу: цель оправдывает средства, всякие компромиссы с совестью, совершенно не понимал те религиозные чувства, которые руководили Дрожжиным, и потому легкомысленно писал ему, чтобы он не губил себя, как полезное для революции орудие, и исполнил бы все требования начальства. Слова эти, казалось бы, не должны иметь особенно важного значения, а между тем Дрожжин пишет, что слова эти лишили его спокойствия и что он заболел от них.

И это понятно. Все люди, которые двигают вперед человечество и первые и одинокие выступают на тот путь, по которому скоро пойдут все, выступают на этот путь не легко и всегда со страданием и внутренней борьбой. Внутренний голос влечет по новому пути, все привязанности, предания, слабости, всё тянет назад. И в эти

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т минуты неустойчивого равновесия всякое слово поддержки или, напротив, задержки имеет огромное значение. Самого сильного человека перетянет ребенок, когда этот человек напрягает все свои силы, чтобы сдвинуть непосильную тяжесть.

Дрожжин испытал страшное отчаяние от этих кажущихся неважными слов приятеля и успокоился только тогда, когда получил письмо от друга Изюмченко, радостно несшего такую же участь и высказывавшего твердую уверенность в истинности своего дела (друг этот тогда за такой же отказ от поенной службы был заключенным в Курске на гауптвахте. Теперь, в ту минуту, как я пишу это, друг этот содержится в строжайшем секрете, без разрешения свиданья с кем бы то ни было, в Московской пересыльной тюрьме, на своем пути в Тобольскую губернию, куда он ссылается по распоряжению государя).

И потому, как бы далеко мы лично ни стояли от события такого рода, мы всегда невольно участвуем в них, влияем на них нашим отношением к ним, нашим суждением о них.

Стоим мы на точке зрения друга революционера, считаем, что ради того, чтобы когда-то, где-то, может быть, быть в состоянии воздействовать на внешние условия жизни, можно и должно отступить от самых первых требований совести, и мы не только не умеряем страдания и борьбу людей, стремящихся к служению богу, но и готовим эти страдания внутреннего разлада всем тем, которым придется решать в жизни дилемму.

А решать ее придется всем. И потому все мы, как бы далеко ни стояли от таких событий, мы участвуем в них нашим мнением и суждением. И неосторожное, легкомысленно сказанное слово может быть источником величайших страданий для самых лучших людей мира. Нельзя быть достаточно внимательным в употреблении этого орудия: "От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься".

Но многие из нас призваны участвовать в таких событиях не одними словами, но и еще гораздо непосредственнее. Я говорю о служащих, которые так или иначе принимают участие в тех безнадежных, только усиливающих движение, угнетениях, которыми правительство преследует таких людей, как Дрожжин; я говорю про участников этих угнетений, начиная от государя, министров, судей, прокуроров, до сторожей и тюремщиков, мучающих этих мучеников. Ведь все вы, участники этих мучительств, знаете, что человек этот, которого вы мучите, не только не злодей, но исключительно добрый человек, что мучится он за то, что хочет всеми силами души быть хорошим; знаете, просто, что он молод, что у него есть друзья, мать, что он любит вас и прощает вам. И его-то вы будете сажать в карцер, раздевать, морить холодом, не давать пить, есть, спать, лишать его общения с близкими, с друзьями.

Как же вам, императору, подписавшему такой приказ, министру, прокурору, начальнику тюрьмы, тюремщику, сесть обедать, зная, что он лежит на холодном полу и, измучившись, плачет о вашей злобе; как вам приласкать своего ребенка; как вам подумать о боге, о смерти, которая вас приведет к нему? Ведь сколько вы ни притворяйтесь исполнителями каких-то неизменных законов, вы просто люди, и добрые люди, и вас жалко, и вам жалко, и только в этой жалости и любви друг к другу и жизнь наша.

Вы говорите: нужда заставляет вас служить в этой должности. Ведь вы знаете, что это неправда. Вы знаете, что нужды нет, что нужда -- слово условное, что то, что для вас нужда, для другого роскошь; вы знаете, что вы можете найти другую службу, такую, в которой вам не придется мучить людей, да еще каких людей. Ведь как мучили пророков, потом Христа, потом его учеников, так всегда мучили и мучают тех, которые, любя их, ведут людей вперед к их благу. Так как бы не быть вам участниками этих мучений.

Ужасно замучить невинную птичку, животное. Насколько же ужаснее замучить юношу, доброго, чистого, любящего людей и желающего им блага. Ужасно быть участником в этом деле.

И, главное, быть участником напрасно -- погубить его тело, себя, свою душу, и вместе с тем не только не остановить совершающегося дела установления царства божия, но, напротив, против воли своей содействовать торжеству его.

Оно приходит и пришло уже.

к книге Е. И. Попова Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894. Лев Николаевич Толстой т

Л. Толстой.

Москва, 4-го (16) марта 1895 г

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!